

Применение нарративного анализа в судебно-психологической экспертизе при анализе аудиовидеофайлов

С. К. Хаидов¹, Е. В. Апалькова²

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

² Детский сад комбинированного вида № 7, г. Щёкино Тульской обл.

Раскрывается содержание понятия нарративного анализа, проанализированы основные подходы к нарративной проблематике в психологии и теоретические направления в нарративной психологии. Рассматривается реализация нарративного анализа при исследовании продуктов речевой деятельности. Дано авторское определение нарративного анализа в рамках судебно-психологической экспертизы, обсуждается возможность его использования в практике судебно-психологических экспертиз при изучении аудиовидеозаписей показаний подэкспертного в рамках уголовного, административного, гражданского и арбитражного дел.

Ключевые слова: нарративный анализ; судебно-психологическая экспертиза; анализ аудиовидеофайлов.

Современная нарративная психология представляет собой интенсивно развивающуюся область психологических исследований. В качестве источников нарративного подхода в психологии называют, как указывает Р. Г. Кадырова, «теорию У. Джеймса, социальный интеракционизм Дж. Мида, теорию ролей Т. Р. Сарбина, культурную антропологию (Г. Бейтсон, К. Гирц), драматургический подход в социологии (Э. Гоффман), психосоциальную концепцию Э. Эриксона, культурно-историческую психологию Л. С. Выготского, диалогизм (М. М. Бахтин) и структурный анализ повествования в литературоведении (В. Я. Пропп, К. Бёрк), а также постмодернистскую философию (Л. Витгенштейн, М. Фуко) и социологию (П. Бергер, Т. Лукман)» [1, с. 126].

На сегодняшний день в психологии сложились два основных подхода к нарративной проблематике: нарративная психология, или «теория» нарратива, и психоаналитическая терапия, или «практика» нарратива. Представители первого (Т. Р. Сарбин, Дж. Брунер,

К. Дж. Герген, А. Керби, Ч. Тейлор и др.) считают, что смысл человеческого поведения с большей полнотой выражается в повествовании (как в письменной, так и в устной форме), а не в логических формулах и законах, поскольку понимание человеком текста (устного и письменного) и самого себя аналогичны [2].

В нарративной психологии выделяются два основных теоретических направления: первое трактует личность как текст, который есть продукт речевой деятельности (и соответственно самопонимание подобно пониманию текста) [3]; второе при рассмотрении нарратива уподобляет самоидентификацию самопониманию, расценивая последнее как осознание человеком своей социальной принадлежности. Оба направления сходятся в одном: реальность конструируется через язык, т. е. речевую деятельность [4].

Использование нарративного анализа при проведении судебно-психологической экспертизы на предмет определения психологических признаков

достоверности (недостоверности) показаний подэкспертного обусловлено тем, что данная разновидность анализа позволяет отделить формальное содержание текста от выражения смысла, непосредственно отображающего скрытую психологическую реальность [5], так как нарратив позволяет подэкспертному обосновать свои поступки и выстроить причинно-следственные зависимости между излагаемыми событиями. При этом нарративы всегда формируются в процессе взаимодействия подэкспертного с процессуальным лицом и модифицируются вслед за изменениями соответствующих интеракций [6], происходящих во время допроса или других процессуальных действий, что создает условия для возникновения противоречий между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и материалами уголовного дела (в случае недостоверности показаний).

В рамках судебно-психологической экспертизы на предмет выявления психологических признаков достоверности (недостоверности) показаний подэкспертного нарративный анализ определяет, как подэкспертный строит их в соответствии с принятыми в обществе социально-культурными, правовыми и социальными нормами поведения в рамках уголовного дела. Другими словами, подэкспертный осознанно или неосознанно выстраивает свои показания с учетом нарративных схем и дискурсов, существующих и принятых в обществе, и соотносит их со своим участием в конкретном деле.

Изложенное выше дает основания для следующих выводов: нарративный анализ дает возможность, *во-первых*, составлять общую характеристику схемы речевой деятельности подэкспертного, с тем чтобы в дальнейшем при необходимости делить ее на информационно-составляющие фрагменты (например, коммуникативные акты, в которых мотивом

высказывания становятся различные юридические или стрессовые личностно значимые для подэкспертного ситуации) и, *во-вторых*, выявлять противоречия между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и информацией, содержащейся в материалах уголовного дела (и соответственно рассматривать их как психологический признак недостоверности показаний подэкспертного).

Возникновение противоречий обусловлено физиологическими особенностями, *во-первых*, мнемических процессов: придуманное событие подэкспертному значительно труднее запомнить во всех мельчайших деталях и воспроизвести, чем достоверные события, даже при условии высокой мотивации; и, *во-вторых*, механизма внимания: при конструировании недостоверных показаний подэкспертный вынужден удерживать в памяти свои предыдущие показания и при этом, следуя нарративным схемам и дискурсам для придания себе социально положительного образа, уходить от ответов на «неудобные» вопросы процессуального лица (следователя, дознавателя, государственного обвинителя, судьи).

Таким образом, *нарративный анализ в судебно-психологической экспертизе — это анализ продуктов речевой деятельности подэкспертного с разделением содержания его устных и письменных текстов на формальное и выражающее смысл, делающий явной скрытую психологическую реальность; с выделением информационных фрагментов показаний и выявлением противоречий в них.*

В силу этого нарративный анализ можно применять в ходе судебно-психологической экспертизы как одну из составляющих психологического анализа материалов уголовного дела, в качестве средства: создания общей характеристики плана речевой деятельности подэкспертного; деления продуктов его

речевой деятельности на различные по тематической и содержательной наполненности коммуникативные акты; наконец, выявления противоречий между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и информацией, содержащейся в материалах уголовного дела, в рамках методики определения психологических признаков недостоверности показаний подэкспертного при их противоречивости.

Литература

1. **Кадырова Р. Г.** Теория нарратива и нарративный анализ в психологии // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2 (9). С. 126—128.
2. **Троцук И. В.** Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6—7. С. 56—75.

3. **Bruner J.** *Actual Minds, Possible Worlds.* Cambridge: Harvard University Press, 1987. 222 p. (The Jerusalem-Harvard Lectures).

4. **Gergen K. J.** *An Invitation to Social Construction.* London: SAGE, 1999. 256 p.

5. **Фабрикант М. С.** Применение нарративного анализа в исследовании больших социальных групп // Психологический журнал: ежеквартал. науч.-практ. изд. [БГУ]. 2010. № 1 (25). С. 64—68.

6. **Sarbin T. R.** *The Narrative as a Root Metaphor in Psychology* // *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct* / Ed. by T. R. Sarbin. N.Y.: Praeger, 1986. P. 3—21.

Хаидов Сергей Курбанович — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (ТГПУ им. Л. Н. Толстого). **E-mail:** tgpu@tula.net

Апалькова Елена Викторовна — учитель-логопед МДОУ «Детский сад комбинированного вида» № 7, г. Щёкино Тульской области. **E-mail:** apalkova00@bk.ru